

Ишин А.В.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ 1920 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1921 Г.

После эвакуации войск барона Врангеля (ноябрь 1920 года) Крым находился в состоянии глубочайшего экономического кризиса. В ноябре 1920 года продукция промышленности сократилась по сравнению с 1913 годом в 4,6 раза.ⁱ Из 420 промышленных и кустарных предприятий работало лишь 270, и то не в полную силу. По сравнению с довоенным уровнем производительность труда упала в три раза.ⁱⁱ На транспорте царил разуха. Грузооборот железных дорог сократился в 10 раз, морских портов - более чем в 16 раз.ⁱⁱⁱ Вследствие полного расстройтва финансовой системы большинство денежных знаков стоили дешевле той бумаги, на которой печатались.^{iv}

В сельском хозяйстве также сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Накануне революции здесь было 20 % безлошадных крестьянских хозяйств, половина крестьянских дворов не имела инвентаря и собственных посевов. В годы гражданской войны большинство хозяйств разорилось, многие земли были брошены.^v Посевные площади сократились с 665 тысяч десятин в 1913 году до 548 тысяч десятин в 1920.^{vi}

Следует отметить также фактор определенной изолированности Крыма от материковой части РСФСР, которая имела место еще в период ширококомасштабных боевых действий с войсками Врангеля и в силу целого ряда причин не могла быть длительное время преодолена. Очень тяжело сказалось на положении Крыма выделение из его состава Мелитопольского, Днепровского, Бердянского уездов. Эти уезды служили главной земледельческой базой для Крыма, в то время как на территории полуострова преобладало овцеводство и садоводство. Немаловажным обстоятельством является то, что до гражданской войны сельское хозяйство и промышленность Крыма работали главным образом на производство товарной продукции (табак, вино и т.п.). Население в основном питалось мукой, привозимой из северных районов, и разрушение экономических связей с материковой частью России, естественно, самым тяжелым образом сказалось на положении региона.

Летом 1921 года в результате засухи в Крыму погибло 42 % посевов, 2/3 крупного рогатого скота, а уцелевшие посевы давали лишь несколько пудов с десятины.^{vii} Вследствие этого уже в августе на полуострове начался голод^{viii}, продолжавшийся до лета 1923 года и унесший приблизительно 100 тысяч жизней.^{ix}

До 1 июня 1921 года власти полуострова сохраняли продрозверстку. Она взималась по нереальным цифрам задания и вызывала резкий протест крестьянства, вплоть до попыток восстания на Южном берегу.^x Наряду с продрозверсткой тяжелейшим образом на положении крестьянства сказывались нерешенность земельного вопроса и запрет частной торговли. Огромной ошибкой, на наш взгляд, являлась передача 1134 конфискованных помещичьих имений в государственный фонд и создание на их базе совхозов. Большая часть совхозной земли весной 1921 года оказалась необработанной.^{xi} Следует отметить, что в то время, когда под совхозы передали до миллиона десятин земли, примерно 40 % крестьян в Крыму оставались безземельными.^{xii}

Характерной особенностью военно-коммунистического режима, установившегося в Крыму, было также "изъятие излишков". "Изъять все излишки у всего населения, не касаясь беднейшего населения...", - сказано в постановлении президиума Феодосийского уездного ревкома от 22 февраля 1921 года.^{xiii} И.С. Шмелев в эпопее "Солнце мертвых" так описывает процесс "отобрания излишков". Приводя рассказ доктора, он пишет: "Абрикосовое варенье еще стояло... из собственных абрикосов... Четыре банки они этого варенья взяли, все, что было. Все забрали. Старухины юбки, нянькины, - и те взяли... все градусники у меня отобрали..."^{xiv} И.С. Шмелев приводит также рассказ рыбака: "Всю нашу снасть, дорожки, крючья, баркасы - все забрали, в комитет, под замок. Прикажут: выходи в море! Рабочие сапоги, как на берег сошли, - отбирают!.. В подвал троих посадили, - некуда податься!.. Седьмой месяц и вертимся, затощали. Что выдумали: "Вы, - говорят, - весь город должны кормить, у нас коммуна! Присосались - корми! Белужку как-то закрючили... - выдали по кусочку мыла, а белужку... в Симферополь, главным своим, в подарок!"^{xv} Примечательно, что конфискации "излишков" проводились в то время, когда, согласно свидетельству очевидца, "население жило все впроголодь", "топлива никакого почти ни у кого не было", "ежедневно в больницы привозили людей с отмороженными руками и ногами, с воспалением легких и т.п."^{xvi}

Вместе с тем подобное положение дел вовсе не препятствовало стремлению властей улучшить свое собственное материальное положение. Так, в распоряжении коменданту здания Ревкома Филатову от 3 декабря 1920 года содержатся указания о доставке в поезд председателя Крымревкома Бела Куна больших и малых ковров.^{xvii} Представитель Наркомнаца в Крыму М.Х. Султан-Галиев в своей докладной записке так характеризовал и оценивал проводившуюся здесь политику "изъятия излишков": "Одним из неправильных действий Советской власти в Крыму, лишь дезорганизовавших правильную ее постановку, было также так называемое изъятие излишков у буржуазии. Возникнув и начавшись в Центре (Симферополь), оно быстро перекинулось затем в провинцию и в некоторых местах превратилось в хроническую болезнь. Проводилось оно страшно неорганизованно и напоминало собой скорее грабеж, чем "изъятие". Отбирали буквально все - оставляли лишь пару белья. Мне самому пришлось быть свидетелем такого "изъятия" в г. Алушке. Все партийные и советские работники были заняты этой работой. Учреждения не работали. "Изъятие" производилось вооруженными отрядами красноармейцев. Красноармейцы почему-то все были пьяны...

распределение изъятых вещей произведено также неорганизованно. Например, в Симферополе татарская беднота, несмотря на свою страшную нужду (женщины ходят в мешках, босые и полуголые), абсолютно ничего не получила. А между тем среди татар очень много произведено изъятий излишков, вплоть до подушек и одеял, служащих им вместо мебели".^{xviii}

Военно-коммунистическая политика не могла не подрывать авторитет власти у большинства населения, не сеять недоверие и зачастую даже ненависть по отношению к руководителям полуострова. Положение усугубляли бесчисленные злоупотребления и откровенный произвол со стороны многих представителей Советской власти. Согласно рассказу очевидца, "войдя в город (Симферополь. – *А.И.*), солдаты набрасывались на жителей, раздевали их и тут же, на улице, напяливали на себя отнятую одежду, швыряя свою изодранную солдатскую несчастному раздетому. Бывали случаи, что один и тот же гражданин по четыре раза подвергался подобному переодеванию, потому что следующий за первым солдат оказывался еще оборваннее и соблазнялся более целой одеждой своего предшественника и т.д... В каждый дом вошел постой красноармейцев. Они располагались всюду как дома, заставляя хозяев прислуживать им, убивая всю живность, как-то: свиней, птицу, которых несчастные хозяева месяцами выкармливали. Из имущества все, что приходилось им по вкусу, красноармейцы забирали себе".^{xix}

Из докладной записки М.Х. Султан-Галиева становится очевидным, что подобные факты не были чем-то из ряда вон выходящим. Автором приводятся следующие данные: "Незаконные реквизиции, конфискации и изъятия стали обычными явлениями. Характерен следующий случай. После X-го съезда партии (8-16 марта 1921 года. – *А.И.*) и после опубликования в местной печати всех речей, статей и принятых съездом постановлений об уступках крестьянству, в один прекрасный день Особый отдел 4-й армии произволил разгон Городского базара в Симферополе. Разгон производился самым бесшабашным и хулиганским образом. Поднимают стрельбу, публику ловят, все у них отбирают, вплоть до обручальных колец".^{xx}

Примечательно, что от подобного рода действий зачастую страдали сами работники и служащие советских органов и учреждений. Так, в телеграмме, поступившей в Крымревком, содержится жалоба "на бесчинства солдат в смысле производства обысков, реквизиций вещей и выселения из квартир" служащих железнодорожного ведомства.^{xxi} В другой телеграмме говорится, что "возчик... Мудрый категорически отказался возить почту... вследствие того, что у него проходящими советскими войсками забраны лошади, телеги, сбруя и фураж".^{xxii}

Наряду с военно-коммунистической политикой управления экономикой полуострова и сопутствовавшими этой политике злоупотреблениями важным фактором, дестабилизирующим политическую ситуацию, явился беспрецедентный массовый террор, развязанный в Крыму в конце 1920 года. В особом рассмотрении нуждается вопрос об инициаторах этого террора. Лидеры РКП(б) отрицали свою причастность к его организации. Так, писатель В.В. Вересаев вспоминает свой разговор с Председателем ГПУ Ф.Э. Дзержинским во время встречи в Кремле 1 января 1923 года: "...были уничтожены тысячи людей. Я спрашивал Дзержинского, для чего все это сделано? Он ответил:

- Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют эти полномочия.

Я спросил:

- Вы имеете в виду Пятакова? (Всем было известно, что во главе этой расправы стояла так называемая "пятаковская тройка": Пятаков, Землячка и Бела Кун).

Дзержинский уклончиво ответил:

- Нет, не Пятакова.

Он не сказал, кого, но из неясных его ответов я вывел заключение, что он имел в виду Бела Куна".^{xxiii}

Для решения вопроса об инициаторах массового террора в Крыму, с нашей точки зрения, нужно в первую очередь обратиться к документам, свидетельствующим об отношении лидеров и активных участников большевистской партии к массовому террору вообще. Эти документы свидетельствуют о том, что Ленин, Троцкий, не говоря уже о менее значительных фигурах, полностью поддерживали подобную политику и в значительной степени являлись ее организаторами.

Политика красного террора своими корнями уходит в конец 1917 года. В полной мере она стала проявляться в 1918 году. Характерной особенностью этой политики является ее идеологическое обоснование, проводившееся высшим руководством РКП(б). В официальном печатном органе РКП(б) - газете "Правда" от 25 декабря 1918 года член Коллегии ВЧК, а затем председатель ВУЧК, Лацис, повторяя идеи Робеспьера, писал следующее: "Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и "сущность красного террора".^{xxiv} В официальном органе ВУЧК "Красный Меч" в № 1 за 1919 год в статье редактора Льва Крайнего сказано: "Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов".^{xxv} Председатель Совнаркома В.И. Ленин, выступая перед собранием актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 года, касаясь положения в Крыму, заявил: "...сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это - источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним,

переварим".^{xxvi} Примечательно, что это говорилось в те дни, когда массовые расстрелы военнослужащих армии Врангеля достигли своей высшей точки. Согласно заявлению Бела Куна, Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий высказывался более определенно. Приведем текст заявления: "Троцкий сказал, что не придет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым - это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России..."^{xxvii} Заместитель Троцкого в Реввоенсовете Склянский в своих телеграммах отмечал: "Война продолжится, пока в Красном Крыму останется хоть один белый офицер".^{xxviii}

Уже основываясь на этих официальных высказываниях представителей большевистской власти, можно прийти к заключению, что массовый террор в Крыму в конце 1920 - 1921 годов был явлением вполне закономерным. Подтверждением тому является секретная шифрованная телеграмма Председателя ВЧК Ф. Дзержинского от 16 ноября 1920 года на имя начальника Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов В. Манцева, где содержался приказ о начале операции: "Примите все меры, чтобы из Крыма не прошли на материк ни один белогвардеец... Будет величайшим несчастьем республики, если им удастся просочиться. Из Крыма не должен быть пропущен никто..."^{xxix} Несмотря на то, что в шифровке не содержалось открытых указаний начать именно массовое уничтожение "классовых врагов", вполне вероятно, что подобные указания могли быть даны устно. Косвенным подтверждением данной мысли является секретное письмо Ленина для членов Политбюро, которое он продиктовал 19 марта 1922 года в связи с сопротивлением изъятию церковных ценностей в городе Шуе Иваново-Вознесенской губернии. Приведем отрывок из этого письма: "В Шую послать одного из самых энергичных... представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию (подчеркнуто мной. - А.И.) через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать".^{xxx}

Итак, на основе приведенных источников можно прийти к выводу, что массовый красный террор в Крыму в конце 1920 - 1921 годов был вполне закономерен в условиях большевистского режима, он был идеологически обоснован лидерами РКП(б) и планировался Центром. Целью этого террора являлось уничтожение как можно большего числа потенциальных "классовых врагов".

Операция по "разорению основного гнезда белогвардейщины" началась с издания 17 ноября 1920 года высшим органом власти в Крыму - Крымревкомом приказа № 4 следующего содержания:

I

"Всем иностранно-подданным, находящимся на территории Крыма, приказывается в 3-дневный срок явиться для регистрации. Лица, не зарегистрировавшиеся в указанный срок, будут рассматриваться как шпионы и преданы суду Ревтрибунала по всем строгостям военного времени.

II

Все лица, прибывшие на территорию Крыма после ухода Советской власти в июне 1919 года, обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как контрреволюционеры и предаваться суду Ревтрибунала по всем законам военного времени.

III

Все офицеры, чиновники военного времени, солдаты, работники в учреждениях добармии обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени".^{xxxi}

При этом в приказе было прибавлено, что всем явившимся грозит только высылка из пределов Крыма и распределение по специальностям; что же касается контрразведчиков, то дело о них будет передано в Особый отдел.^{xxxii} Практически это означало объявление амнистии. Офицеры, не участвовавшие в контрразведке, явились на регистрацию, но оказались жестоко обмануты. Зарегистрировавшихся отправляли в казармы под стражу, а через несколько дней стали уничтожать.^{xxxiii} Здесь следует отметить, что основная масса прошедших регистрацию рядовых солдат и казаков численностью до 30 тысяч человек была этапирована на север для восстановительных работ.^{xxxiv} У И.С. Шмелева в эпопее "Солнце мертвых" содержатся данные о том, что этих солдат гнали через горы, предварительно раздев почти донага. Кому оставили одеяло, кому одну рубаху.^{xxxv} Нетрудно предположить, что до конечного пункта назначения добраться удалось далеко не всем. Оставшиеся в живых вернулись домой лишь после амнистии 1921 года.^{xxxvi}

Особое внимание обращает на себя сам характер террора по отношению к бывшим военнослужащим армии Врангеля. Арестованных расстреливали, топили в море, больных и раненых убивали прямо в госпиталях, прилюдно вешали.^{xxxvii} Перед убийствами имели место пытки.^{xxxviii} М.Х. Султан-Галиев оставил нам описание расстрелов офицеров: "...расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по несколько десятков человек вместе. Расстреливаемых раздевали донага и выстраивали перед вооруженными отрядами. Указывают, что при такой "системе" расстрелов некоторым из осужденных удавалось бежать в горы. Ясно, что появление их в голом виде почти в сумасшедшем состоянии в деревнях производило самое отрицательное впечатление на крестьян. Они их прятали у себя, кормили и направляли дальше в горы".^{xxxix} За сокрытие сочувствующие поплатились головой.^{xl} Естественно, что при подобной

"системе" казней некоторые оставались просто ранеными. Их добивали камнями, хоронили полуживыми.^{xli} Пик массовых расстрелов военнослужащих армии Врангеля пришелся на ноябрь-декабрь 1920 года. Последующая волна репрессий охватила бывших служащих гражданской администрации при Врангеле, представителей буржуазии, обвиняемое в контрреволюции крестьянство и т.д.^{xlii} Людей уничтожали не за борьбу с оружием в руках, а просто за происхождение.

В политике красного террора важное место отводилось и расправе с бывшими союзниками - махновцами. Известно, что 28 октября 1920 года из Повстанческой армии Н. Махно была выделена в помощь Красной Армии для борьбы с Врангелем Крымская группа в количестве 5 000 штыков, 5 000 сабель, 16 орудий и 800 пулеметов. Возглавил группу С. Каретников, а ее Полевой штаб - П. Гавриленко.^{xliii} Эта группа в значительной степени обеспечила общую победу Красной Армии над Вооруженными Белыми силами Юга России. Однако, руководствуясь телеграммой Махно: "Крым ваш и все в Крыму ваше"^{xliv}, - бойцы его армии нередко занимались грабежом.^{xlv} Тем не менее это вовсе не оправдывает той бесцеремонной расправы над Крымской группой, которая имела место. В конце ноября 1920 года были арестованы и расстреляны командующий группой С. Каретников и начальник штаба П. Гавриленко.^{xlvi} 27 ноября Фрунзе приказывал командарму Лазаревичу: "Приказываю действовать со всей решительностью и беспощадностью. Всех, без исключения, махновцев, как добровольно сдавшихся, так и захватываемых в плен, арестовать и передать в распоряжение Особого отдела".^{xlvii} Получив известие об истреблении махновцев, Крымская группа Повстанческой армии под командованием А. Марченко утром 27 ноября снялась с позиций у Евпатории и с боями стала пробиваться на север.^{xlviii} 5 декабря группа А. Марченко в 300 сабель при 15 пулеметах - все, что осталось от 10 000 Крымской группы, соединилась в Гришинском уезде с основными силами Н. Махно.^{xlix} При этом следует отметить, что из Крыма удалось уйти 3 тысячам бойцов Повстанческой армии.ⁱ Известно, что часть уцелевших махновцев присоединилась к вооруженным антибольшевистским формированиям, действовавшим длительное время на территории Крыма.ⁱⁱ

Говоря в целом о динамике террора в Крыму, следует отметить, что всплеск расправ приходился на зиму 1920-1921 годов, потом волна понемногу спадала до конца 1921 года.ⁱⁱⁱ Точное количество погибших вследствие террора не установлено. В.П. Петров полагает, что "общее число погибших превышает 20 тысяч человек, хотя эта цифра не является окончательной".ⁱⁱⁱⁱ С.А. Усов считает, что жертв террора было не менее 40 тысяч человек.^{lv} М.А. Волошин писал, что только за первую зиму было расстреляно 96 тысяч человек - на 800 тысяч всего населения.^{lv} И.С. Шмелев в показании лозаннскому суду утверждал, что расстреляно более 120 тысяч мужчин, женщин, старцев и детей.^{lvi} Встречается даже цифра - 150 тысяч.^{lvii} Так или иначе, но несмотря на разногласия исследователей, все сходятся в одном - террор в Крыму носил неслыханные размеры.

Характеризуя состав погибших, М.Х. Султан-Галиев докладывал в Москву: "...среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить Советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого - брат, у третьего - сын и т.д."^{lviii}

Был нанесен сильнейший удар и по культуре Крыма. По мнению М.А. Волошина, из каждых трех крымских интеллигентов погибло двое.^{lix}

Думается, можно полностью согласиться с исследователем В.П. Петровым в том, что "репрессивные меры не дали желаемых результатов, а напротив, обострили политическую обстановку в Крыму".^{lx}

Политика красного террора, военно-коммунистические методы управления экономикой и сопутствовавшие им многочисленные злоупотребления и произвол повсеместно сеяли недоверие, страх и зачастую негативное отношение у населения к власти большевиков, что зафиксировано многочисленными источниками. "Население долго жило надеждой на приход кого-либо из иностранных войск на помощь, но когда мечты все были разбиты, то стали помаленьку приспосабливаться к жизни под большевистским ярмом и смирились с духом", - читаем в рассказе одного из очевидцев тех событий.^{lxi} В докладе "О положении в Крыму" М.Х. Султан-Галиев отмечал: "У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба".^{lxii}

Таким образом, становится вполне очевидным, что власть большевиков в Крыму в конце 1920 – первой половине 1921 г. держалась не на поддержке населения полуострова, а на штыках красноармейцев, которые жили "отдельной семьей, нисколько не заражаясь психологией окружающей массы".^{lxiii}

ⁱ Крымская АССР (1927-1945). Вопросы-ответы / Сост. Ю.И.Горбунов. - Симферополь, 1990. - Вып.3. - С.8.

ⁱⁱ Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. - октябрь 1921 г.) // Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10-18 ноября 1995: Материалы. - Симферополь, 1995. - С.61.

ⁱⁱⁱ Там же. - С.61.

^{iv} Там же. - С.61.

^v Крымская АССР: 20-е - 30-е годы / Гл. ред. И.М.Хворостяный. - Киев, 1989. - С.2.

^{vi} Колонтаев К.В. Указ. соч. - С.61.

^{vii} Там же. - С.61.

^{viii} Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. - Симферополь, 1997. - С.334.

^{ix} Там же. - С.342.

-
- ^x Там же. - С.335.
- ^{xi} Крымская АССР (1927-1945). - С.9.
- ^{xii} Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С.335.
- ^{xiii} Ревкомы Крыма: Сб. документов и материалов/Отв. ред. Л.Д.Солодовник. - Симферополь, 1968. - С.48.
- ^{xiv} Шмелев И. Солнце мертвых//Пути небесные. Избранные произведения. - М., 1991. - С.50—51.
- ^{xv} Там же. - С.116-117.
- ^{xvi} В Крыму после Врангеля (заметки очевидца)//Крымский архив. - 1996. - № 2. - С.62.
- ^{xvii} Государственный архив Автономной Республики Крым (далее - ГААРК), ф. Р-1188, оп. 3, д. 70, л.110.
- ^{xviii} Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму//Крымский архив. - 1996. - № 2. - С.88.
- ^{xix} В Крыму после Врангеля (заметки очевидца). - С.59.
- ^{xx} Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. - С.88.
- ^{xxi} ГААРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 230, л.29.
- ^{xxii} Там же, л.62-63.
- ^{xxiii} Вересаев В. Сочинения: В четырех томах. - М., 1990. - Т. 1. - С.600-602.
- ^{xxiv} Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918-1923. - М., 1990. - С.44.
- ^{xxv} Там же. - С.42-43.
- ^{xxvi} Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - М., 1974. - Т.42 - С.74.
- ^{xxvii} Мельгунов С.П. Указ. соч. - С.66.
- ^{xxviii} Там же. - С.66.
- ^{xxix} Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый юг. Ноябрь 1919 - ноябрь 1920. - М., 1997. - С.88.
- ^{xxx} Вострышев М.И. Патриарх Тихон. - М., 1995. - С.187-188.
- ^{xxxi} Ревкомы Крыма. - С.23-24.
- ^{xxxii} В Крыму после Врангеля (заметки очевидца). - С.60.
- ^{xxxiii} Там же. - С.60.
- ^{xxxiv} Петров В.П. К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920-1921 годах//Проблемы истории Крыма. - Симферополь, 1991. - Вып. 2. - С.92.
- ^{xxxv} Шмелев И. Указ. соч. - С.117.
- ^{xxxvi} Петров В.П. Указ. соч. - С.92.
- ^{xxxvii} Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С.331.
- ^{xxxviii} В Крыму после Врангеля (заметки очевидца). - С.60-61.
- ^{xxxix} Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. - С.86.
- ^{xl} Мельгунов С.П. Указ. соч. - С.67.
- ^{xli} Там же. - С.67.
- ^{xlii} Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. (комментарии). - С.96.
- ^{xliii} Тимошук А.В. Анархо-коммунистические формирования Н.Махно (сентябрь 1917 - август 1921 г.). - Симферополь, 1996. - С.121.
- ^{xliv} Марков К.А. Махно и Гражданская война в Крыму//Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление. - Симферополь, 1995. - С.73.
- ^{xliv} ГААРК, ф. Р-1188, оп.3, д.70, л.28.
- ^{xlvi} Тимошук А.В. Указ. соч. - С.128.
- ^{xlvi} Там же. - С.128-129.
- ^{xlvi} Там же. - С.129.
- ^{xlvi} Там же. - С.129.
- ^{xlvi} Там же. - С.131.
- ^l Там же. - С.129.
- ⁱⁱ Очерки по истории Крыма. - Часть III/Под общей ред. И.С.Чирвы. - Симферополь, 1964. - С.9.
- ⁱⁱⁱ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С.333.
- ⁱⁱⁱ Петров В.П. Указ. соч. - С.91.
- ^{iv} Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. (комментарии). - С.96.
- ^{iv} Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С.333.
- ^{vi} Мельгунов С.П. Указ. соч. - С.66.
- ^{lvii} Там же. - С.66.
- ^{lviii} Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. - С.86.
- ^{lix} Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. - С.331.
- ^{lx} Петров В.П. Указ. соч. - С.92.
- ^{lxi} В Крыму после Врангеля (заметки очевидца). - С.62.
- ^{lxii} Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. - С.96.
- ^{lxiii} ГААРК, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 9.